

Министерство науки и высшего образования
Российской Федерации
Псковский государственный университет

ЯЗЫК И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ

Материалы Международной научной конференции
«Северная Европа, Псков и Ганзейский союз
в прошлом и настоящем»
21–23 мая 2019 г.

Псков
2019

УДК800
ББК80
Я41

*Рекомендовано к изданию
редакционно-издательским советом
Псковского государственного университета*

Редколлегия:

— Н. В. Большакова (отв. ред.),
— Л. Б. Воробьева, С. Ф. Мацевич, В. И. Охотникова.

Язык и межкультурная коммуникация. Материалы
Я41 Международной научной конференции «Северная Европа,
Псков и Ганзейский союз в прошлом и настоящем» 21–23 мая
2019 г. — Псков : Псковский государственный университет,
2019. — 280 с.
ISBN 978-5-91116-890-2

Сборник статей публикуется по итогам Международной научной конференции «Северная Европа, Псков и Ганзейский союз в прошлом и настоящем (Псков, 21–23 мая 2019 г.), состоявшейся в рамках проведения в Пскове XXXIX Международных Ганзейских дней Нового времени.

Публикуемые труды российских и зарубежных ученых посвящены актуальным проблемам филологии, образования, межкультурной коммуникации, культурно-историческим контактам народов Балтийского региона.

Структура сборника отражает основные научные и научно-практические направления, в русле которых работали секционные и дискуссионные площадки представительной конференции.

Организатором конференции стал Псковский государственный университет — опорный вуз региона.

ISBN 978-5-91116-890-2

© Коллектив авторов, 2019

© Псковский государственный университет, 2019

E. Mikhaylova
Belgorod, Russia
E-mail: emikhailova@yandex.ru

THE SPACE OF DIALOGUE IN “THE PARISIAN DICTIONARY OF THE MUSCOVITES” (1586)

Abstract. *The article deals with studying the first French-Russian phrase-book — “The Parisian Dictionary of the Muscovites” (1586). An attempt is taken to consider this unique relic of cross-cultural communication in the context of the common European tradition of compiling two- and multilingual phrase-books. The main differences of the dictionary under consideration from analogous West European phrase-books are found out.*

Key words: *France, Russia, intercultural communication, bilingual vocabulary, phrase-book, dialogue space.*

About the author

Mikhaylova Elena N. — Doctor of Philology, Professor, Belgorod State National Research University.

УДК 392:273.2(476.5)

В. Е. Овсейчик
Новополоцк, Республика Беларусь
E-mail: uladz39@tut.by

СТАРООБРЯДЦЫ БЕЛОРУССКОГО ПОДВИНЬЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX В.: ОСОБЕННОСТИ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ С БЕЛОРУССКИМ НАСЕЛЕНИЕМ

Аннотация. *В статье рассматриваются особенности этнокультурного взаимодействия между русскими старообрядцами и белорусским населением Подвинья (историко-этнографический регион Беларуси, занимающий северную часть страны и расположен в бассейне Западной Двины и ее притоков) на основе материалов второй половины XIX — первой половины XX в. На территории региона*

старообрядцы поселились еще во второй половине XVII в. Характер взаимодействия с местным белорусским населением в разные промежутки времени имел свои особенности. Специфика его во второй половине XIX — начале XX в. во многом была обусловлена особенностями восприятия в традиционном обществе, а также стремлением старообрядцев к самоизоляции, нежеланием общаться с иноверцами. Однако контакты между белорусами и староверами не сопровождались массовыми конфликтами. Они довольно мирно уживались на территории Подвинья. В XX в. в жизни старообрядческой общины произошли значительные перемены, что проявились в уменьшении этнической дистанции во взаимодействии с коренным населением.

Ключевые слова: старообрядцы, русские, белорусы, Белорусское Подвинье, этнокультурное взаимодействие, традиционная культура, этнический образ.

На территории Беларуси старообрядцы поселились еще во второй половине XVII в. В результате реформы патриарха Никона и раскола православной церкви значительное количество русских, что не приняли нововведения и остались приверженцами старых обрядов, было вынуждено эмигрировать в соседние с Россией страны. Одним из регионов их компактного поселения стали белорусские земли. Пришлое население в основном поселилось в северной и юго-восточной частях Беларуси. Самым большим и значимым местом обитания старообрядцев-поповцев (и вообще старообрядцев) поначалу было местечко Ветка с округой. Поэтому основное внимание исследователей старообрядчества на белорусских землях сосредоточивается именно на изучении этого региона. Но уже с XIX в. староверы количественно преобладают в северной части страны — на Подвинье. Русские старообрядцы выделяются среди всех этнических групп Белорусского Подвинья. Они имеют не только этнические (как представители русского этноса), но и явные конфессиональные отличия.

Длительное межэтническое взаимодействие не проходит для контактирующих сторон бесследно. Результаты его проявляются в различных сферах (языке, материальной культуре и т. д.), а прежде всего в формировании образа чужой этнической общности. Этнические образы являются неотъемлемым компонентом цельной картины мира, исследование которых позволяет более глубоко характеризовать всю специфику этнокультурного взаимодействия, лучше понимать причины явлений и процессов, имевших место в межэтнической коммуникации.

При формировании образа другого этнического сообщества очень важной является ее хозяйственная характеристика. Одним из приоритетных для местного белорусского населения являлся именно хозяйственный образ староверов, который включал в себя целый ряд представлений об их земледельческой деятельности. Именно функциональное отношение иноэтнических сообществ к земле во многом предопределяло базовый характер представлений о них у белорусов, которые еще в конце XIX в. в большинстве своем являлись крестьянами. В этом смысле образ староверов имел позитивный характер. Старообрядцы-земледельцы Подвинья выделялись богатством хозяйства, за что заслужили уважение со стороны местного белорусского населения. Кроме работы на земле староверы занимались и другими видами хозяйственной деятельности, где также проявили себя как хорошие работники [15, с. 206].

Вместе с тем хозяйственные факторы не являются исключительными при формировании этнического образа. Значительное место имеет также и комплекс представлений о семейном быте, традициях и чертах характера представителей «чужой» этнической группы. Так, старообрядческое население выделялось категорическим запретом на курение табака и регламентированным употреблением алкоголя, на что обращали внимание этнографы конца XIX — начала XX в. [15, с. 204]. В конце XIX в., как отмечал этнограф Н. Я. Никифоровский, среди местных староверов тяжело было проследить типичные особенности «запойцы», которые в полной красе наблюдались у старообрядцев, которые жили на юго-восточной окраине губернии. Этим, по мнению исследователя, они сильно отличаются от трезвенников-старообрядцев Полоцкого, Городоцкого, Дрисенского, Режицкого уездов Витебской губернии [8, с. 82]. Как позитивная черта у старообрядцев отмечалось строгое соблюдение постов. Белорусами также уважалось обязательное выполнение староверами данного слова, о чем свидетельствуют и современные полевые материалы: *«Ну а кагда дзеньгі адалжаў ён [старовер. — В. О.], вот, іменна, скажыць: “Аддам табе чэраз нядзелю”. І ён у другога адалжыць дзеньгі, а мне прынясець і аддасць»* [Записано автором в 2005 г. от Балашевской Е. М., 1928 г. рожд., д. Саладухи Шумилинского района Витебской области]. Однако, что касается заключения брака у старообрядцев, то оно, в отличие от сложного и развернутого у белорусов свадебного обряда, проходило в течение одного вечера и, у беспоповцев (которые составляли большинство староверов Подвинья), без венчания. У местного населения и этнографов это обстоятельство породило мнение о разврате староверов [16, с. 20].

На специфику межэтнической коммуникации значительным образом повлияло стремление старообрядцев к обособленному образу жизни. На территории Подвинья, как и во многих других местах, староверы жили изолированно, замкнутыми общинами и довольно часто образовывали отдельные поселения. В ряде случаев они даже селились в труднодоступных местах, как, например, староверы д. Дрисвяты Браславского района, которые до начала XX в. жили на острове. Такая ситуация в некоторых местах Подвинья сохранилась и до настоящего времени. Так, полностью старообрядческими являются дд. Бор и Должица Чашничского района, д. Воронка Шарковщинского района, д. Кублищино Миорского района, а жители д. Пашевичи Браславского района, также староверы, и сейчас живут на полуострове, куда добраться достаточно сложно [7, с. 135; 12, с. 327]. На территории Белорусского Подвинья существовали и смешанные поселения. Однако обособленность старообрядцев проявлялась и в том, что деревня иногда делилась на две части.

Как следует из источников, во второй половине XIX — начале XX в. отношение старообрядцев к белорусскому населению было разным в зависимости от согласия старообрядцев и региона. Наиболее терпимо относились к местному населению поповцы [6, с. 98]. Самым негативным отношением к «нестароверам» выделялись более радикальные направления беспоповцев. Но и отношение беспоповцев в разных частях Витебской губернии, по свидетельству источников, не были одинаковыми. Так, отмечалось, что в Режицком, Люцинском, Себежском и Невельском уездах старообрядцы избегают общения с православными; в Динабургском уезде они были довольно дружелюбны к православным; те же, что проживали в Полоцком уезде, большей частью перешедшие из единоверия, были враждебными не только к православным, но и к единоверцам [10, с. 65]. По официальным данным, наиболее негативно относились к местному православному населению сторонники «самой большой по численности и по внутренней силе федосеевской [секте], в которой от московских федосеевцев в последнее время начала прививаться вредная ересь — бракоборство. Сущность лжеучений этой ереси, составляющейся из 83 семейств, заключается в совершенном отрицании не только таинств, но и основ семейной жизни, — признавая православных и даже иных толков раскола наследниками антихриста» [9, с. 20–21]. Самое же нетерпимое отношение было у старообрядцев к православному духовенству и гражданскому руководству: «Если же ко всему этому прибавить ещё неограниченность доверия раскольников к сво-

им наставникам и, наоборот, самое упорное и даже злобное отношение к православному духовенству и светскому начальству, длящееся с начала распространения раскола, которому приходилось отстаивать своё существование хитростью и притворностью, — то вполне будет понятна трудность борьбы с расколом» [10, с. 66–67].

Такое специфическое отношение старообрядцев к белорусам Подвинья вызвано их достаточно негативным отношением к религии местного населения. Согласно постановлениям «польского собора» (собор старообрядцев 1751 г. в Гудишках Новоалександровского уезда, на котором выработаны основные положения), старообрядцам запрещалось пить «горелое» вино «от рук еврейских и от неверных», мыться в банях вместе с некрещеными и иноверцами, пользоваться одной посудой [2, с. 74]. Последний запрет проявился в существовании у старообрядцев специальной «кружки», для того чтобы дать воду нестароверам. О существовании такого предписания еще помнят респонденты: *«Адзельная кружка, такі палонік, чарпак у ніх называўся. Гэта, гавораць, беларуская кружка, паганая»* [Записано автором в 2005 г. от Варкулевич В. С., 1921 г. рожд., д. Вайловичи Шумилинского района Витебской области].

Что же касается отношения белорусов к старообрядческому населению, то на начало XX в. его наиболее четко охарактеризовал М. Федоровский: «в то же время вид великоруса с его суровостью, "широкой натурой" и со всеми так хорошо нам известными недостатками, был для него грозным, возбуждает у белоруса осторожность и приказывает как можно дольше его избегать» [18, с. 661]. Однако при этом никакими негативными действиями в отношении пришлого населения белорусы Подвинья не отличались.

Одним из важных критериев, на основе которых происходит характеристика межэтнических отношений, являются смешанные браки. Как отмечают исследователи XIX — начала XX в., браки между староверами и местным населением почти не заключались: «От окружающего их населения они [староверы. — В. О.] держатся отдельно, не роднясь с ними путем брака» [3, с. 284–285]. Такая ситуация была характерна еще в середине XX в. (особенно в западной части региона), о чем сообщают респонденты: *«Я магла танцаваць з маскалямі і танцавала і мяне праводзіў [старовер. — В. О.] з дзярэўні з танцаў, і яе. Толькі да кладбішча. Но жэнітца — ані не. Ні разрышалі сваім сыноўям браць каталічку. Ну і нам гэта было сказана: за маскаля ні пойдзеш»* [Записано автором в 2007 г. от Петровской А. Д., 1935 г. рожд., д. Гавриловичи Поставского района

Витебской области]. Но все же, как следует из источников, случаи смешанных браков имели место уже в конце XIX в. [10, с. 66; 11, с. 48; 3, с. 284–285].

Начиная с середины XIX в. в жизни старообрядцев происходят серьезные изменения. Уже во второй половине XIX в. наметилась тенденция к отходу от старых традиций. В это время происходят изменения в традиционном костюме, что проявилось в использовании фабричных материалов и замене традиционных типов городскими. Некоторые изменения наблюдаются в их занятиях, кухне и зодчестве [4, с. 190, 214, 234]. Для этого времени характерна и тенденция к размыванию установки на сопротивление нововведениям. Достаточно показательным является тот факт, что старообрядцы стали отдавать своих детей для обучения в школы [11, с. 48]. Это привело к увеличению количества учащихся из числа староверов в общеобразовательных школах (по данным за 1903 г., которые собирались для Министерства внутренних дел, ни в одном уезде Витебской губернии не было специальных школ для старообрядцев) [6, с. 98].

Изменения, которые со второй половины XIX в. происходят в жизни старообрядцев, повлияли и на специфику межэтнического взаимодействия с белорусским населением. Старообрядцы активнее вступали в контакты с местным населением. Как результат — словарный состав языка старообрядцев пополнялся белорусскими заимствованиями, о чем упоминали исследователи начала XX в. [1, с. 105]. А согласно переписи 1897 г., из почти 83 тыс. старообрядцев, что проживали в Витебской губернии, около 20 тыс. родным называли белорусский язык [14, с. 80]. Уже в этот период наметилось уменьшение этнической дистанции во взаимодействии с местным населением. Однако значительного отхода от привычного уклада жизни еще не наблюдалось, а характер этнокультурного взаимодействия с белорусами коренным образом не изменился.

Более серьезные преобразования принесли мероприятия советской власти, в результате которых в корне изменилась жизнь старообрядцев. На восточных землях эти процессы наблюдаются с 1920-х гг., а на территории Западной Беларуси прежняя ситуация сохранялась почти до середины XX в. (находилась до 1939 г. в составе Польши). В начале мероприятия советского руководства столкнулись с противостоянием со стороны старообрядцев, и властям приходилось считаться с этой этноконфессиональной группой. Так, например, создание органов советского руководства в местах компактного проживания старообрядцев имело свою специфику. Председателем совета не-

редко становился один из старообрядцев, который представлял и защищал, в первую очередь, интересы своих единоверцев. При этом община, а не совет, становилась органом самоуправления. Если же во главе совета был представитель другой конфессии, то никакие мероприятия власти не имели значительного успеха среди старообрядцев [13, с. 54]. Однако в скором времени мероприятия советской власти привели к разрушению обособленности проживания, культурной замкнутости старообрядцев, уничтожению религиозной общины как органа самоуправления и консолидирующей структуры, привели к потере патриархального быта старообрядцев.

Мероприятия советской власти по ослаблению роли религии в обществе и ликвидации обособленного образа жизни вместе с разрушением традиционного уклада старообрядцев привели к сближению с белорусским населением. Это, в первую очередь, проявилось в уменьшении этнической дистанции во взаимодействии, а также в «позитивизации» этнических образов. Достаточно показательными выглядят следующие слова респондентов: *«А гэтыя маладыя ўжо сайдзініліся разам, роўна было»* [Записано автором в 2007 г. от Шидловской Л. И., 1924 г. рожд., д. Глинщина Поставского района Витебской области]; *«А як са стараверамі? — Ні нада лепшых, ні нада лепшых. Наш ужо горшы быў»* [Записано автором в 2007 г. от Ластовской М. В., 1931 г. рожд., д. Глинщина Поставского района Витебской области].

Религиозные различия постепенно стираются, и уже не наблюдается такой принципиальности в вопросах веры. Отношение старообрядческого населения к православию стало более спокойным, стало признаваться родство и сходство: *«У нас с православными много общих праздников и обрядов, все мы под одним Богом ходим»* [Записано Навиченком Е. в 2005 г. от Рыбаковой В. Д. (староверка), 1930 г. рожд., д. Слободка Браславского района Витебской области]. Существующие религиозные различия не становятся препятствием для посещения православных храмов [17, с. 788].

Уже в середине XX в. бывшая обособленность старообрядцев не становилась препятствием для активного межэтнического взаимодействия в сфере календарной праздничной культуры. В первую очередь это относится к календарным обрядам, имеющим важное значение в обеих традициях. Это проявлялось в том, что старообрядческие усадьбы были включены в пространственную структуру ритуальных пасхальных и рождественских обходов [17, с. 788; 5, с. 184]. На Западном Подвинье белорусы-«колядовщики» католического вероиспо-

ведения заходили не только к «своим» (единоверцам), но и к старообрядцам, у которых Рождество отмечается позже, а в это время еще идет пост. Тем не менее, их принимали, давали подарки — оказывали уважение *«людям са свету»* [17, с. 788]. Включение старообрядческих домов в пространство рождественских и пасхальных обходов свидетельствует о том, что в традиционном мировоззрении белорусов старообрядческие усадьбы выступали хотя и специфической, но неотъемлемой частью «своего» мира. В д. Иказнь Браславского района староверы и местное белорусское население (католического вероисповедания) довольно часто приглашали друг друга на *«куцию»* [17, с. 788]. Эти примеры взаимодействия в сфере календарной обрядности ярко характеризуют настоящее добрососедство белорусов и старообрядцев в регионе.

Таким образом, на территории Подвинья еще со второй половины XVII в. проживает значительное количество русских староверов. Характер их взаимодействия с местным белорусским населением в разные промежутки времени имел свои особенности. Специфика его в XIX — начале XX в. во многом была обусловлена особенностями восприятия в традиционном обществе, а также стремлением старообрядцев к самоизоляции, нежеланием общаться с иноверцами. Однако контакты между белорусами и староверами не сопровождались массовыми конфликтами. Они довольно мирно уживались в территории Подвинья. В первой половине XX в. в жизни старообрядческой общины произошли значительные перемены, что проявились в уменьшении этнической дистанции во взаимодействии и сближении с белорусским населением.

Список литературы

1. Аникиевич К. Т. Сенненский уезд Могилевской губернии. Могилев, 1907. 148 с.
2. Гарбацкі А. А. Стараабрадніцтва на Беларусі ў к. XVII — пач. XX ст. Брэст, 1997. 202 с.
3. Долгоруков В. М. Население губернии // Витебская губерния. Историко-географический и статистический обзор. Вып. I. Витебск, 1890. С. 231–300.
4. Заварина А. А. Русское население восточной Латвии во второй половине XIX — начале XX века: историко-этнографический очерк. Рига, 1986. 246 с.
5. Земляробчы каляндар: абрады і звычаі / 2-е выд., выпр. Мінск, 2003. 429 с.
6. Канфесіі на Беларусі (к. XVIII–XX ст.) / В. В. Грыгор’ева, У. М. Завальнюк, У. І. Навіцкі, А. М. Філатава. Мінск, 1998. 340 с.

7. Мина Н. Е. Говор и материальная культура старообрядцев Витебщины (ареальный аспект) // Белорусское Поозерье: язык и духовная культура. Минск, 2001. С. 135–151.
8. Никифоровский Н. Я. Питушие и пропойцы // Этнографическое обозрение. 1896. № 4. С. 65–88.
9. Обзор Витебской губернии за 1885 г. Витебск, 1885. 40 с.
10. Обзор Витебской губернии за 1891 г. Витебск, 1892. 141, [27] с.
11. Обзор Витебской губернии за 1896 г. Витебск, 1897. 127, [106] с.
12. Памяць: гіст. дакум. хроніка Браслаўскага раёна. Мінск, 1998. 709 с.
13. Пасталоўскі С. А. Паўсядзённае жыццё старавераў у Беларусі ў 1920–1930-я гады // Весці Нацыянальнай Акадэміі Навук Беларусі. Серыя гуманітарных навук. 2007. № 4. С. 51–56.
14. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. / Под ред. Н. А. Тройницкого. 1903. V. Витебская губерния. Тетрадь 3. 281 с.
15. Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. Том 9. Верхнее Поднепровье и Белоруссия. СПб., 1905. 620 с.
16. Сементовский А. Этнографический обзор Витебской губернии. СПб., 1872. 70 с.
17. Традыцыйная мастацкая культура беларусаў: у 6 т. / [ідэя і агул. рэд. Т. Б. Варфаламеевай]. Мінск, 2004. Т. 2: Віцебскае Падзвінне. 910 с.
18. Federowski M. Witebsk i Witebszczyna // Ziemia. 1912. T. 3. S. 659–662.

Сведения об авторе

Овсейчик Владимир Евгеньевич — кандидат исторических наук, доцент, Полоцкий государственный университет.

V. Ovseychik
Polotsk, Republic of Belarus
E-mail: uladz39@tut.by

OLD BELIEVERS OF THE BELORUSSIAN PODVINGE IN THE SECOND HALF OF THE NINETEETH — THE FIRST HALF OF THE TWENTIETH CENTURY. FEATURES OF ETHNOCULTURAL INTERACTION WITH THE BELORUSSIAN POPULATION

***Abstract.** The article is devoted to the specificity of the ethno-cultural interaction between the Russian old believers and Belarusian population of the Dvina region (historical-ethnic region of Belarus that occupies the north part of the country and is situated in the basin of the West Dvina and its tributaries) on the basis of the materials of the second half of the 19th — first half of the 20th century. On the territory of the*

region the old believers settled as far back as in the second half of the 17th century. The character of the interaction with the local Belarusian population had its features in the different periods. Its specificity in the second half of the 19th — beginning of the 20 century was conditioned by the specialties perception in the traditional society as by the effort to self-isolation, unwillingness to communicate with the adherents of a different faith. Nevertheless the contacts between the Belarusians and old believers were not accompanied with mass conflicts. They got on with each other quite peacefully on the territories of the Dvina region. In the 20th century great changes happened in the life of the old believers' community that led to the reduction of the ethnic distance at the interaction with the natives.

Key words: old believers, Russians, Belarusians, Dvina region, ethno-cultural interaction, traditional culture, ethnic image.

About the author

Ovseychik Vladimir — candidate of historical Sciences, associate Professor, Polotsk State University.

УДК 811.161.1.28

В. П. Щаднева

Тарту, Эстония

valentina.schadn@mail.ru

ТРАДИЦИОННОЕ И ЗАИМСТВОВАННОЕ В ПИТАНИИ И В НАИМЕНОВАНИЯХ ПИЩИ СТАРООБРЯДЦЕВ ЗАПАДНОГО ПРИЧУДЬЯ

Аннотация. В статье обсуждаются регионально обусловленные заимствования в питании и их отражение в говоре старообрядцев Западного Причудья. Анализ был сосредоточен на заимствованиях из эстонского языка или через его посредство. Изучение диалектных записей выявило заимствования почти во всех связанных с едой тематических группах лексем, но число таких слов в разных группах различается. Анализ говорит о сохранении основных блюд и названий старообрядческой кухни.

Ключевые слова: диалектология, западнопричудский говор, староверы, старообрядческая кухня, эстонские языковые заимствования.